

Лина БОГДАНОВА

Суженый

- Суженый мой ряженный... - шептали девчата за стеной.
- Когда-то и я гадала, - приговаривала Кузьминична, раскатывая тесто. - И нагадала. Пётрик в зеркале привиделся. А скоро и сватов прислал. Муж её уж десять лет на небесах кагор попивал. Вдовствовала Кузьминична без радости.
Но любила, когда дом оказывался полон гостей. Вчера приехала внучка-студентка. С подружками. Только успевай поворачиваться!
- Городских бульбой со шкварками не обрадуешь. Им пирогов подавай. Полендвички. Да наливочки малиновой. Попробуй угоди, - ворчала хозяйка. Лукавила: на все окрестные деревни считалась лучшей поварихой. Половину свадеб у плиты выстояла. Родню потчевать обожала. Сало коптила по-особенному. И грибочки по бочонкам насаливала. А уж наливкок - на любой цвет и вкус. Целый угол в подполе дожидался дегустаторов.

Девчата за стеной шептались. Пересмеивались. Подшучивали друг над дружкой. Кузьминична на стол накрыла:

- Похоже, без меня они до утра не управятся. Пойду, подскажу.
- Эй, девки, чего воду в ступе мелете? Рази так жениха угадывают? Вы бы валенок за калитку бросили. Самое верное дело. Кто поднимет, коли не сам жених, то тёзка его.
- Вы бы, бабушка, показали, - давясь смехом, предложила внучка. Кузьминична выудила старый валенок, швырнула за забор.
- Пока суженый меж сугробов гуляет, давайте-ка, красавицы, за стол.

Только Кузьминична посуду вымыла, в калитку постучали.

Накинула бабка полушубок, спустилась во двор:

– Не поздно ли по гостям гулять?

– Да я не по гостям. Домой шёл. На обувку наткнулся. Не ваш сапожок?

– Жених! – высыпали на крыльцо девчата.

– А ну, кыш! – погрозила им хозяйка. – Зараз простудитесь. А мне отвечать!

– А как же жених?

– Сама разберусь. Коли подходящий, приглашу на завтрак.

Вернулась на пару с валенком.

– Неподоходящий?

– Какое там! Сто лет в обед. Хуторской. Дед Сёмка.

– Ба, так это он по твою душу, – хихикнула внучка.

– Я те пошучу! – погрозила Кузьминична валенком. – А ну, по кроватям!

А сама долго ворочалась. Вспомнила, как молодой в давнюю пору Сёмушка за ней ухаживать надумал. А Пётрик ему наподдал хорошенько.

– Ревнивый мой муженёк был. А из Сёмки-то неплохой хозяин вышел. Может, не зря мимо проходил? Он-то тоже вдовый. Ой, да какие глупости в голову лезут! Или не глупости? Ведь шёл зачем-то. И валенок поднял...

Усыпанное звёздами крещенское небо освещало уютную спальню. Фотографии в старых рамках. Гора подушек на стуле. Свернувшаяся в клубок кошка. И улыбающаяся физиономия старушки. Кузьминичне снились приятные сны.

11.11.2019

Баба снежная

К обеду намело сугробов по всем дворам. Дворничиха Надя оставила стирку и взялась за лопату. У Нади три проходных двора. Территория – о-го-го. Дома старые, жильцы тоже. Значит, вокруг домов целые парки выросли, а жильцы вредными давно стали.

– Крутишься с зимы до зимы, а вместо премий – жалобы, – пожаловалась дворничиха, но дорожки чистить взялась. И почистила. Умаялась. Хлебнула из термоса разок-другой. Чайку с бальзамчиком. Для сугреву исключительно.

Присела на лавочку. Повторила. Обвела хозяйским глазом двор. И так ей тепло, так хорошо сделалось. От работы. От чистоты окружающей. От того, что завтра встать попозже можно. Ну, и от бальзама, естественно...

***

– А морковку, морковку-то куда?

- Сюда вот, в центр, то есть, в середину головы. То есть лица. Втыкай уже! Да поглубже!

Надя встrepенулась. Повернулась на голос. И не увидела ничего.

- Ну же!

- Не нукай! Я втыкаю, а оно сопротивляется!

- Ой! - испугалась Надя. Мало того, что ослепла, так ещё и замёрзла. Щека Правая огнём горит.

По всему выходила какая-то ерунда. С одной стороны, холодно, с другой, вроде как наоборот. Зато по некоторым позициям всё ясно: она ослепла и лицу больно очень. Хоть ори! И она заорала.

Точнее, попыталась. Потому что не удалось кроме как омммм... выговорить.

- Ой! - послышалось совсем рядом. - Ой, мамочки, она разговаривает!

- Вот идиот! Опять ужасиков насмотрелся, всё маме расскажу. Разве может она разговаривать?! Она ж БАБА! Баба снежная.

Надя соображала туго. Может, бальзам подействовал. А может, свалившееся на её бедную голову несчастье. Надо ж так вляпаться: и ослепнуть и голоса лишиться. Да и ноги-руки налились ледяной тяжестью и двигаться не желали. «Может, с позвоночником что? - обрушилось снежной глыбой сознание. - Тогда конец...»

- О чём беседуете, молодые люди? - раздалось из ускользящей жизни.

- Ой, здравствуйте! Ой... да мы так... просто...

- За жизнь, значит, изволите речь вести? - приятный баритон гудел совсем рядом. - О, и изваяние какое сотворили! Шедевр славянского примитивизма! Рядом присесть не позволите?

- Ну... она же... да, конечно... - заскрипели удаляющиеся в космические дали шаги.

«Вот и сказке конец... - в Надином сознании прокатилась очередная лавина. - Вот так. Ни за что погибнуть суждено. И главное, причина неясна...»

- Ну что, мадемуазель, поскучаем за компанию? - в космическом вакууме запахло табачным дымом.

В замерзшем носу защекотало. Видимо, и на том свете аллергия не собиралась изменять своей хозяйке.

- И как же звать-величать тебя, девица снежная? - вещал невидимый собеседник.

- Ммммм... апчхи! - вырвались наружу чувства и эмоции. Надя дёрнулась.

И завалилась на бок. Вызвав истерику у случайного космического спутника:

- Оооо... аааа...

Что-то метнулось в сторону, завозилось, заёрзало, желая оборвать едва обозначившуюся нить. Наде не хотелось оставаться одной. Даже в новой ипостаси. Она потянулась на звук.

- Аааааааа...

На неё вдруг обрушилось нечто невероятно тяжёлое и до обидного материальное.

- Оххх... - всхлипнула несчастная.

И ухватилась руками за лацкан драпового пальто. Неужели и по ту сторону жизни такие бывают? И кстати, с какого-такого перепугу руки обрели прежнюю способность двигаться? Да и ноги тоже.

Надя оттолкнула от себя пальто. Вскочила на ноги. Свет фонаря высветил чью-то блестящую лысину, обрамлённую легкомысленными седыми кудряшками.

– Нет бы молодой спутник попался, а то и тут одни старпёры валандаются! – возмутилась она.

– На себя бы посмотрела! Была баба как баба. Только что снежная, а теперь – фурия!

– Это что же? – забормотала Надя. – Я что, спала что ли?

– Спала, не спала, откуда я знаю? – лысина на пару с пальто с трудом приняла вертикальное положение, трансформировавшись в жильца элитной соседней высотки, профессора философии Моховича. – Я мимо проходил. Оценил вылепленную детворой снежную бабу. А она вдруг пинаться взялась. Плюс морковка под ногами валяется. Плюс гололёд на дорожке. Плюс растерянность. Стоп! Обо мне потом. Почему Вы меры не предпринимаете?

– Какие ещё меры?

– Профессиональные! Тут любой прохожий может голову свернуть, пока некоторые, мгм, медитируют на рабочем месте.

– Это на что Вы намекаете?

– На очевидное, любезная. На очевидное...

Прежде Надя бы ступевалась и кинулась извиняться. Но после недавнего «полёта» чувствовать себя виноватой не хотелось. Она молча сунула собеседнику термос с бальзамом:

– Не кипишись, профессор. Глотни вот. Хорошее успокоительное. А я мигом за песком сгоняю. Рассыплю по дорожкам, потом договорим.

Пока Мохович вникал в суть предложения и дегустировал «успокоительное», Надя пронеслась по дворам мерцающей остатками снега молнией. Израсходовала месячный лимит песка. И приземлилась рядом с собеседником:

– Ну что? К Вам или ко мне? Тут со мной такое произошло, умру, если не поделюсь. Чего шуритесь? Я от души. И потом, ничего личного. Просто консультация нужна. Профессиональная.

Надя лукавила. Но упускать добычу из рук не собиралась. Бабы одиноких профессоров на улице не бросают. Даже снежные.

02.12.2019

